

◆ СЛЕДЫ ДО ПРОБУЖДЕНИЯ ◆

Не называй меня врагом

◆ Денис Пожидаев ◆

Денис Пожидаев

Не называй меня врагом

<https://litres.ru/74359823>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Дворах Ответчиков калитки отзываются каждая своей нотой, и здесь ценят тех, кто отвечает быстро. Мальчик Иллар умеет останавливать опасное движение точно и вовремя — но однажды спешит назвать «врагом» ту, чью вину ещё не проверил. Слово встаёт в запись раньше правды. Вместе со спутницей Теей и Элианом ему предстоит понять, где кончается справедливый отпор и начинается поспешный ярлык. Седьмая повесть — про гнев и вражду, про то, как имя обгоняет причину, и про смелость не клеймить, пока не дослушал.

Денис Пожидаев

Не называй меня врагом

СОН, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Цикл «Следы до пробуждения»

НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ ВРАГОМ

Повесть седьмая

Глава 1. Граница, которая отвечает

Утро в Дворах Ответчиков начиналось разговором меж.

Ещё до света калитки по всему кварталу отзывались каждая своей нотой — сотни тихих звонов вразнобой, кто вышел, кто вошёл, кто тронул жилу мимоходом. Иллар вырос под этот звук и не слышал в нём тревоги: это просто говорил квартал, просыпаясь.

Он проверил крепление рабочего рукава — застёжку, ремеш, чтоб не болталось на проверке. И увидел на столе малый зажим матери. Сайнин, рабочий, с тонкой, выверенной губкой. Она его вчера готовила — для него, на сегодня.

— Первый сигнал на Мосту Тихой Меры был в такую по-

ру, — сказал Орен, отец, не отрываясь от своего. — Помнишь? Ровно в этот час. Тогда промедлили — и вон что вышло. Опора не ждёт.

«Опора не ждёт» Иллар слышал с детства. Отцовское, короткое, глаголом. Опора держит груз, и если под ней слабина — не жди, крепи, пока не поздно.

— Мост закрыли поздно, — сказала Сайна, мать, и опустила свою опору на пол — лёгкий, ровный удар. — Это правда. Но, Орен, это не единственная часть записи. Сигнал тогда был слабый. Совсем слабый. И решение взрослых закрыть — спорное. Половину той истории у нас дома рассказывают, а половину складывают и не глядят.

На столе лежала копия журнала Моста Тихой Меры — сложенная вдвое. Наружная половина смотрела вверх: там про закрытие, про то, как вовремя успели. А внутренняя, под сгибом, — про слабый сигнал, про спор. Иллар скользнул глазами по верхней, знакомой, отцовской. Внутреннюю не развернул. Он и так знал, что там, — думал, что знал.

Десса, соседка, заглянула — принесла деталь для домашней межи, обещанную вчера. Увидела: отец говорит одно, мать другое, между ними натянуто. Ничего не сказала — положила деталь, кивнула, вышла. В их квартале не лезли в чужую межу без спроса.

— Держи, — Сайна передала ему зажим. — Мой. Верни, как взял — без нового изгиба. Губку не пережми. Он точный, я его долго ровняла. Понял? Ровно как есть.

— И вот что, — сказал Орен. — Что бы там ни говорила мать про половины. Правило одно: лучше остановить раньше, чем снова ждать и снова опоздать. Промедлил — вот и беда. Не бойся ответить рано. Бойся опоздать.

Иллар взял зажим. Посмотрел ещё раз на сложенную запись — на сгиб, под которым лежала вторая половина. Можно было развернуть. Одно движение. Но отцовское было ближе, понятнее, и он не развернул.

— Я не опоздаю, — сказал он. И это прозвучало как обещание отцу — и как маленький выбор, которого он сам не заметил: взять версию Орена вместо полной памяти матери.

Он вышел с зажимом в рукаве и с твёрдым, тёплым чувством, что главная ошибка на свете — промедление. Семейная забота стала в нём приказом: отвечать раньше, чем усомнишься. Он не заметил, как это случилось. Ему казалось — просто собрался на проверку.

Калитка отозвалась его нотой — домашней, знакомой. Он пошёл на Учебный Двор Достаточного.

Учебный Двор Достаточного был назван так не зря: тут учили не бить сильно, а прекращать вовремя.

— Руки прочь от рамы, — сказала Мейра, наставница, об-

ходя учеников. — Пока не время — не хватать. Кто вцепился раньше, тот уже ответил раньше, чем понял на что. Ждём.

Рави, из старших учеников, взялся за широкий упор — с запасом, чтоб наверняка.

— Узко, — поправила Мейра. — Широкий упор — это не «надёжнее». Это лишнее. Возьмёшь шире, чем надо, — закроешь соседний выход. Запас силы не равен безопасности, Рави. Он равен лишнему вреду.

Несс отметил время начала движения — по звонцу, точно.

Рама пошла — одна активная тяга, медленно набирая. Иллар встал в стойку, выбрал опору. И тут Мейра, нарочно, сменила угол тяги — уже после того, как он встал. Проверка: не на заученную позу, а на живой ответ.

И Мера собралась. Не в голове — в теле: в правой ладони и в стопах, тёплой тяжестью, ясным указанием. Но указывала она не на всю раму, не на «останови всё». А на одну связь — вот эту тягу, вот этот узел. Ровно туда, где шло давление. Мера не говорила «бей сильнее». Она говорила «вот сюда, вот столько, до сих пор».

Иллар отвёл тягу — точно по Мере, ни на волос больше. Закрыв учебный зажим на той самой связи. Движение рамы остановилось.

И в тот же миг случилось то, что он уже знал телом, но всё равно каждый раз ловил заново: направление исчезло. Тяга кончилась. А под его рукой поднялось обратное — лёгкое сопротивление, отдача, будто рама теперь толкала назад, про-

тив его силы. Это и был признак: ответ закончился. Дальше давить — уже не держать, а самому нарушать.

И Иллар сразу отпустил. Освободил раму, разжал зажим ровно настолько, чтоб соседний учебный выход остался открытым. Не добавил. Не подержал «на всякий случай». Кончилось — отпустил.

— Ты уже держишь сам, — сказала Мейра. Не «молодец», не «сильно». Просто: сам, без подсказки. — А теперь скажи мне не как ты остановил. А когда. Когда ответ закончился?

— Движение закончилось раньше, чем рама стала безопасной вообще, — сказал Иллар. — Тяга ушла — а рама ещё не «полностью безопасна», ещё стоит, ещё могла бы... Но моё дело было — тяга. Она кончилась вот тут. Раньше, чем всё стало идеально.

— Значит, дальше работает не твоя Мера, — сказала Мейра. — Верно. За этой точкой — уже не ты. Хочешь «совсем безопасно» — это другой человек, другой процесс, другая проверка. Твоё — до обратного сопротивления. Дальше не лезь. Дальше не твоё.

И Иллар почувствовал странную гордость — не за силу, а за то, что вовремя убрал руку. Его ценность была не в том, что он сильный. А в том, что он прекращается точно. Рави смотрел на него во все глаза — уже почти влюблённо, как на того, кем хотел бы стать. Мейра это заметила — и ничего не сказала, только чуть нахмурилась.

— На малую межу, — сказала Мейра Иллари. — К От-

крытому Ходу. Там повтор, слабый. Пойдёшь с Теей — проверите вместе. Реальный, не учебный.

Элиан оказался у малой межи, что у Открытого Хода, — проходил мимо, и его, как всегда, задержало несовпадение в записях.

У межи лежали два журнала. В одном тот же слабый сигнал был записан как «нарушение». В другом — как «непроверенный повтор». Один факт, одна тонко звенящая медная жила — а имени два, и разные.

И Элиан не понимал: это про что? Про один и тот же звон — или про два разных? Слова стояли как названия двух вещей, а вещь была одна. «Нарушение» звучало как приговор, «повтор» — как вопрос. И камень не знал, кто из них он.

— Закрывайте уже, — торопил местный мастер. — Некогда. Ход стоит, люди ждут прохода. Звенит — значит, что-то не так, закрыли и разобрались потом.

Иллар встал в готовую стойку — по привычке, по учебному, тело само. Приложил внимание, ждал, что Мера соберётся в ладонь, укажет: вот сюда. И — ничего. Мера не собиралась. Не было направления, не было узла, некуда было отвести.

— Меры нет, — сказал Иллар. И сам удивился, как непривычно это выговорить. — Я готов, стою — а Меры нет. Отвечать нечему. Нет тяги, нет объекта.

— Пока не трогай, — сказала Тея, что пришла с ним. Не приказ — просьба, ровная. — Жилу не трогай, дай ей дозвонеть. Послезвон ещё идёт. Пока он не стих — мы не знаем, что это было. Тронешь сейчас — оборвёшь, и уже не разберём. Подожди затухания.

И Иллар — тот самый Иллар, что дома решил «главное не опоздать», — удержал себя. Не применил силу. Стоял с готовой, но пустой ладонью, и ждал, как просила Тея. Это далось ему труднее, чем ответить.

Тея была не здешняя. Она пришла с Элианом из Равени — дальнего города на террасах, где свет доходит до окон по очереди и где она когда-то научилась трудному: быть не первой — и не пропасть. Теперь она шла с ним по свету и слушала чужие звоны так же чутко, как прежде считала, до кого рассвет добирается первым, а до кого — под конец.

А Тея слушала. Дождалась, пока послезвон истает, и в самом хвосте, в тонком остатке, нашла его — источник. Не нарушение. Соседняя тележка, гружёная, прошла рядом и качнула жилу через землю. Остаточный звук, наведённый, безобидный. Межу никто не пересекал. Просто дрогнула от чужого веса.

— А, — сказал мастер, разглядев. И переписал запись: из «нарушения» — в «переданный повтор». Одно слово вы-

черкнул, другое вписал. И Ход остался открытым, никого не закрыли.

А Элиан смотрел на вычеркнутое слово — и думал своё. Ведь «нарушение» уже стояло в журнале. Уже. До того, как Тея дослушала послезвон, до того, как нашёлся источник, до всякой проверки. Имя пришло первым. Одно имя уже успело закрыть путь раньше самого камня. Не камень сказал «я нарушен» — человек сказал за него, поспешил, назвал. А проверка пришла после — и, к счастью, успела. Но если б не успела? Имя стояло бы, а причины под ним не было бы. И Ход закрыли бы по слову, а не по делу.

И между Илларом и Теей что-то встало на место. Он дал ей время — не оборвал. Она вернула ему точный объект — не «нарушение вообще», а «тележка качнула». Он придержал силу, она нашла причину. Порознь бы каждый ошибся: он бы закрыл, она бы не остановила настоящее. Вместе — вышло точно.

Малая межа осталась открытой, звенеть по-своему. А Элиан унёс с собой это расхождение — имя и действие, разошедшиеся во времени. Имя впереди. Причина позади. И зазор между ними, в который так легко провалиться.

А Белый шёл в стороне, тихий, каким Элиан его не помнил. Колокольчик у его пояса будто обмотали тряпицей — звон глух, не срывался, как обычно, на каждую кривду. Здесь, в Дворах, где «нарушение» и «сторона» слетали с языка раньше всякой проверки, Совесть было не расслышать: её

тонкий звон тонул в чужих поспешных именах. Элиан заметил это — и не понял ещё, что не Белый ослаб, а место такое: где спешат назвать врага, там первым глохнет колокольчик.

У границы Учебного Двора и Дома Ответа Иллар передавал записи — учебную Меру и запись малой межи. И там, в прохладной тени Дома, стоял Правитель.

Асса, что принимала записи, взяла обе — и положила раздельно. Не в одну стопку. Учебную — сюда, межевую — сюда.

— Разные дела, — сказала она. — Раздельно и лежат.

Гнев был не тем, кого Иллар ждал. Не яростный, не пылающий. Тяжёлое спокойствие — в голосе, в том, как он стоял. Сила, которая не спешит.

— Не рассказывай, как ты остановил раму, — сказал Гнев. — Это я вижу по записи. Скажи другое. Когда ответ закончился?

Иллар не ждал такого вопроса. Он готовился, что проверят силу — сильно ли, точно ли ударил. А спросили про конец.

— Когда движение перестало требовать меня, — сказал он, и сам, говоря, нашёл слова. — Пока тяга шла — она меня

звала, держала. А как поднялось обратное сопротивление — всё, я стал лишним. Ответ закончился там, где рама перестала во мне нуждаться. Не когда стало «совсем безопасно». А когда я перестал быть нужен.

— А на малой меже, — сказала Тея, — ответ вообще не возник. Мы не нулевую силу приложили — мы не прикладывали. Меры не было, объекта не было. Не «слабо ответили» — а не ответили, потому что нечему.

— И это законно, — сказал Гнев. Спокойно, без тени. — Не ответить, когда нет объекта, — такой же точный ответ, как остановить, когда объект есть. Нулевой ответ — не трусость и не промах. Это ответ, равный причине: причина ноль — ответ ноль. Хорошо.

— И заметьте, — сказала Мейра, — Иллар не приписал себе проверку причины. Он придержал силу — а причину нашла Тея, послезвоном. Он не сказал «это я разобрался». Он сделал своё — предел — и не полез в чужое. Знает границу своего дара.

— Хорошо, — повторил Гнев. И перешёл к делу: — Есть срочная проверка. Арка Трёх Нагрузок. Большая, не учебная. Там нужен точный предел — не сильная рука, а рука, что вовремя останавливается. — Он посмотрел на Иллара. — Возьму его. Не как героя. Как носителя точного предела. Это разное, и я беру второе.

— Тогда следующий вопрос должен получить другой вход, — сказала Асса, отмечая. — Учебное кончилось. Даль-

ше — не учебная рама. Пусть заходит через настоящее дело, не через двор.

И Иллар начал доверять Гневу — по-рабочему, как мастеру, что видит в нём не силу, а её предел. Это льстило верно, точно: не «ты сильный, избранный», а «ты вовремя останавливаешься». Тея пока не видела в Гневе ничего тревожного — спокойный, честный, признал нулевой ответ. Угрозы не было. Пока не было.

Только одно кольнуло бы, если б Иллар прислушался: Гнев спросил про конец ответа — а Иллар про себя всё ещё держал отцовское, про начало. «Не опоздать». Про то, когда ответ начать. А про то, когда закончить, ему пока напоминали другие.

Но он не прислушался. Он шёл к Арке Трёх Нагрузок — и масштаб был уже не учебный.

Глава 2. Арка трёх нагрузок

В Камерах Послезвона Тея настраивала слуховые пластины — на три слоя затухания разом. Первый, громкий; второй, средний; третий, тонкий хвост, который слышат немногие.

Она слушала остаток Низкого Ребра — тот, что пришёл странным. И сразу не сошлось: основной звук оказался короче, чем должен. Оборвался раньше. Будто его придержали.

А потом, с запозданием, пришёл обратный хвост — и не оттуда. Не снаружи, откуда шло бы честное пересечение, а изнутри конструкции, из глубины, из-под. И тянулся долго.

— Обратный хвост слишком длинный, — сказала Тея. — Основной короткий, а этот... не кончается. И идёт не наружу — внутрь. Так не звенит межа, которую просто задели. Так звенит что-то внутри неё самой.

Нарен, мастер послезвона, послушал тоже. И не стал гадать наугад.

— Может быть трещина в жиле, — сказал он. — Может быть влага в нижней камере. Может быть чужая наводка снизу. Три причины, и все возможны. — Он развёл руками. — Сигнал есть. Причина пока нет. Я не назову одну, пока не проверим все три. Гадать — хуже, чем не знать.

И Тея заметила краем глаза: Рем, что работал на дальнем участке, закрыл ремонтную крышку — раньше, чем кончилась проверка. Быстро, буднично. Прикрыл, и всё.

— Ты чего закрываешь? — спросила Тея. — Мы ещё слушаем.

— Да там временная жила ещё держит, — сказал Рем, не оборачиваясь. — Держит же. Чего смотреть. Закрою, чтоб пыль не летела.

— Держит — это не «проверено», — сказала Тея. Но Рем

уже отошёл.

Эсса, снизу, крикнула:

— Влажность растёт! В нижней камере — прибывает. Не сильно пока, но лезет вверх.

Влага меняла натяжение жил. Влага могла усилить то, что сейчас звучало слабо.

И тут пришёл срочный вызов — с Арки Трёх Нагрузок. Настоящий, городской, с непрерывным сигналом. Там уже опасно, там ждали её слух.

Тея заколебалась. Низкое Ребро было непонятным — короткий звук, длинный обратный хвост, влага, Ремова «временная жила». Но не срочным. Не кричащим. А Арка — кричала.

Она пометила запись: неполная, вернуться, доделать. «Обратный хвост не объяснён». И пошла на Арку — думая, что успеет вернуться. Что причина подождёт: она же помечена, никуда не денется, разберёмся после.

И в этом была вся Тея. Она верила: причина может получить время. Если честно пометить, если не назвать поспешно, если оставить открытым вопросом — то потом, позже, спокойно доищешь. Правда подождёт того, кто её ищет. Она не знала ещё, что у некоторых причин есть свой срок — что влага прибывает, что «временная жила» на то и временная, и что «вернусь после» иногда значит «не успею».

Она ушла к Арке, оставив Низкое Ребро непроверенным. Слабый короткий звук — и длинный обратный хвост, уходя-

щий внутрь, — остались звенеть без ответа.

На Мосту Открытогохода снова звенело — повтор. И мастер требовал закрыть.

— Замедлю поток, — сказал Хейр, что ведал правами прохода. — Прорежу, пущу пореже, осторожно. Но право не закрою. — Он говорил спокойно, по делу, не прячась за бумагу. — Право открыто, пока нет действия. Звенит — да. Но звон — не действие. Пока никто ничего не нарушил, я не имею закрыть людям проход. Замедлить — моё. Закрыть — нет, не по звону.

— Да закрой ты совсем! — не выдержал мостовой мастер. — Повтор же! Второй раз звенит! А ну как пропустим? Полный заслон, и спокойно.

— Погоди, — сказала Тея, слушая. — Убери лишнюю нагрузку сперва. Вон ту тележку, гружёную, у перил. Сними её — и послушаем, звенит ли без неё.

А Иллар проверил Меру. Встал, приложил внимание, ждал направления. И направление не возникло. Ладонь была холодной, пустой. Некуда отвести, нечего размыкать.

— Звук есть. Объекта для Меры нет, — сказал он. И, помня отцовское «не опоздать», всё же сказал честно: — Я не

имею основания закрывать. Физически — нечего. Звенит — а объекта нет. Если закрою — закрою на пустом.

Сняли тележку. И повтор исчез. Разом, чисто. Тот самый груз качал перила через настил — убрали, и межа замолчала. Никакого нарушения. Наведённый звон, как у Открытого Хода утром. Эталон: вот так звучит безобидное — и вот так оно пропадает, когда убираешь причину.

Подошёл Гнев. Выслушал, посмотрел на замолчавшую межу.

— Правильно, — сказал он. — Не закрыли. Запомни, Иллар: не называй ответом то, что только похоже на тревогу. Звон, похожий на угрозу, — ещё не угроза. Ответить на «похоже» — значит ответить в пустоту, а в пустоте всегда кто-то стоит. Закрыл бы мост — закрыл бы людям проход из-за качнувшейся тележки. Нет объекта — нет ответа. Ты прав.

И доверие Иллара к обоим выросло разом. К Тее — она нашла лишнюю нагрузку, вернула причину. К Гневу — он снова признал: без объекта не отвечают. Всё сходилось: сила хороша, когда есть на что, и молчит, когда не на что. Пока это было чисто и красиво.

А потом с Арки Трёх Нагрузок пришёл сигнал — уже другой. Не повтор, не «похоже». Непрерывный. Не гаснущий. Тот, что не исчезнет, если убрать тележку, потому что там двигалось по-настоящему.

И команда пошла к Арке — где промедление уже становилось опасным. Где отцовское «не опоздать» впервые ока-

залось бы право.

На Арке Трёх Нагрузок стоял гул — три частоты в камне разом, накладываясь. Арвен, что ведал узлом, собрал три службы: мостовую, послезвонную, ответную.

— Нужно общее решение, — сказал он. — Быстро. Три сигнала, а согласия нет.

— Закрыть весь узел, — предложил один мастер. — Целиком. Три звука — значит, всё ненадёжно. Заслонить всё разом, и спокойно.

— Закроешь всё — там люди внутри, — сказал Арвен. — Один выход ещё занят, по нему выходят. Закроем весь узел — запрём их.

Тея слушала, сравнивала задержки.

— Третий звук пришёл позже движения, — сказала она. — Он не причина — он эхо. Отражённый, от верхней арки. Уберите его из счёта: он откликнулся на то, что уже поехало, а не наоборот. Причин не три. Меньше.

— Не весь узел, — сказала Мейра Иллари. — Слышишь, как гудит? Тянет закрыть всё, где громче. Но громче — не значит опаснее. Ищи не самый громкий звук. Ищи тот, где давление идёт сейчас, продолжается. Где? Покажи.

Иллар приложил Меру — не к громкому, к продолжающемуся. И она собралась. Не на всём узле, не на верхней громкой арке. На одной боковой тяге — узкой, тяжёлой, тянущей прямо сейчас. Вот она, живая, движущаяся. Мера легла туда ясной тяжёлой линией в правом предплечье.

— Боковая тяга, — сказал он. — Вот объект. Она сейчас идёт. Остальное — стоит или откликается. Двигается — это.

Но разрешение задержалось. Службы спорили: чья ответственность, кто подпишет, по какому праву. Бумага, согласование, «а вы уверены». А Арка не ждала спора. Боковая тяга пошла — опора качнулась, поехала. И путь людей, тот единственный занятый выход, стал сужаться.

— Хватит, — сказал Гнев, и тяжёлое спокойствие в его голосе стало тяжелее. — Объект назван. Иллар назвал боковую тягу — она и есть. Не ждите полного согласия, пока людей зажимает. Согласие потом. Объект назван. Действуй.

И тут отцовское «не опоздать» встало в полный рост — и было право. Промедление не спорило с ним теперь: оно и правда губило. Пока службы согласовывали, проход сужался. Здесь ждать было нельзя — не из страха, а по делу, по объекту, который двигался. Иллар не заметил, как две разные вещи — «отвечать на движущееся» и «отвечать раньше сомнения» — на миг слились в одну. Здесь они совпали. Не всегда совпадут.

И Иллар вошёл в рабочую линию — по названному объекту, по движущейся тяге. Дело ждало настоящее.

Иллар вошёл в линию только теперь — когда тяга уже поехала, когда объект был живой, движущийся, названный. Не раньше. По делу.

— Свободный выход — левее, — сказала Тея, слушая. — Там чисто, туда людям. Не закрой левую сторону — по ней выходят. Держи её открытой.

— Опора под тобой верная, — сказала Мейра. Подтвердила — и всё. Не повела его руку, не встала за него. — Дальше сам. Тело твоё, Мера твоя.

Иллар разомкнул боковую связь — ту самую, по Мере. И закрыл один заслон — не все, один, на движущейся тяге. Нагрузка пошла в плечо — тяжёлая, горячая, реальная. Он принял её телом, удержал. Не весь узел заслонил. Одну тягу. Ту, что двигалась.

И люди пошли — по левому, оставленному, открытому. Мимо него, через незакрытую сторону. Проход не сомкнулся. Он держал тягу — а выход держал открытым.

Тяга встала. Смещение прекратилось — опора замерла, перестала ехать. И в тот же миг Мера исчезла из ладони. Направление ушло. Поднялось обратное сопротивление — то самое, знакомое: всё, ответ кончился, дальше ты лишний.

И Иллар освободил заслон. Разжал — ровно, точно, не додержав «на всякий случай». Передал конструкцию мастерам: дальше крепить — их дело, не его.

— Выход остаётся открыт, — сказал он, отходя. — Я держал тягу, не узел. Тяга встала — я отпустил. Выход как был открыт, так и открыт. Никого не запер.

— Достаточно, — сказала Мейра. Одно слово. Высшая её похвала: не «сильно», не «геройски». Достаточно. Ровно сколько нужно, ни на волос больше.

И Гнев сказал — громко, при всех, при рабочих, при жителях:

— Он остановил то, что двигалось, и не удержал то, что уже стояло. Вот точный ответ. Не заслонил лишнего, не запер людей, не добавил стоячее. Тронул только то, что шло, — и отпустил, как встало. Так и надо. Это и есть Мера.

И принцип встал вслух, при всех, чистый: останавливать движущееся, не держать стоячее. Тот самый, который потом, позже, кто-то нарушит — и, может быть, он сам.

А жители запомнили другое. Не принцип. Имя.

— Иллар, — говорил Ховен, сосед из Дворов, разнося по толпе. — Мальчишка Орена и Сайны. Он спас Арку. Он, Иллар. Один остановил.

Не «точная Мера остановила движущуюся тягу». Не «службы, Тея, Мейра, Гнев — вместе». А «Иллар спас». Имя, короткое, звонкое, за которое так удобно держаться. Город хотел героя, а не принцип. Героя легче благодарить —

и легче потом требовать.

И Иллар впервые ощутил это — вес собственной подписи. Не тяжесть плеча, принявшего нагрузку, — та уже отпускала. А другую тяжесть: что теперь есть «Иллар, который спас». Что имя пошло по рукам. Ему было и сладко, и чуть страшно — он ещё не знал, чего именно, но что-то в этом «он один остановил» было не так. Он остановил не один. Но поправлять уже не хотелось.

А вечером тело и механизмы проверят отдельно — точен ли был ответ на самом деле, или благодарность просто назначила его точным.

Глава 3. Право действовать

В Доме телесной меры Лоста первым делом убрала благодарственные пластины — те, что жители уже нанесли, «спасибо Иллару за Арку».

— Вон отсюда, — сказала она буднично, снимая их со стены осмотровой. — Здесь не благодарят. Здесь проверяют. Спасибо мешает смотреть.

Пострадавший рабочий — тот, кого задело у Арки, лёгкий ушиб, ничего страшного, — рассказывал. И Лоста не давала

ему говорить про Иллара «он хотел», «он молодец».

— Не что он хотел, — обрывала она. — Как ты стоял. Где было плечо. Куда шла тяга. Тело, не намерения.

Она сличала следы на теле с записью хода тяги. Где приняло нагрузку, под каким углом, совпадает ли с тем, что показывает механизм.

— Боль не сообщает мотив, — сказала Лоста. — Заруби. Болит — это факт: тут приняло, тут придавило. А зачем, с умыслом или нет, много ли, лишку ли — этого боль не говорит. Больно — не значит «превысил». И не больно — не значит «точно». Тело — про силу и место. Не про вину. Вину тут не меряют.

Пришла Сайна. Не хвалить — она была тут как мастер, не как мать. Спросила не «сильно ли», не «не поранился ли».

— Когда ты отпустил? — спросила она. — Не сколько держал. Когда отпустил. В какой миг.

— Когда тяга перестала двигаться, — сказал Иллар. И воспроизвёл телом — как тогда: направление ушло, поднялось обратное сопротивление, и он разжал. — Вот тут. Тяга встала — я отпустил. Не позже. Не подержал. Как встала — так и разжал.

Мейра подтвердила по записи: выход оставался открыт всё время. Левая сторона свободна, люди шли. Он не сомкнул проход ни на миг.

И запись механизма показала: после остановки — никакого добавочного давления. Тяга встала — и линия ровная, ни

одного лишнего нажима. Ответ кончился там, где кончился, и ни на волос дальше.

— Точно, — сказала Лоста. Не «молодец» — «точно». И отправила отдельное поле прекращения в Дом Ответа: ответ был соразмерен, превышения нет, время остановки — вот такое. Отдельным полем, независимо.

И вот что было важно, хоть Иллар и не понял пока зачем: его геройский ответ выдержал независимую проверку. Не «все хвалят, значит хорошо». А тело, механизм, наблюдение — порознь, трезво — сказали: точно. Дом телесной меры не благодарил. Он мерил. И то, что этот дом существовал и мерил честно, значило: если однажды Иллар превысит — это тоже будет видно. Не спрячется за благодарность.

Сайна на прощание не сказала «горжусь». Сказала:

— Хорошо отпустил. — И, чуть тише: — Держи так же. Отпускать труднее, чем держать.

А город меж тем помнил не то, как он отпустил. Город помнил, как он держал.

Асса повела Иллара через Дом Ответа — через Зал Названной Границы, где стояли шесть площадок, шесть Детей Гнева. Каждый со своим делом, своим тембром, своим ша-

ГОМ.

Раздражение — первое. Тихое, чуткое. Оно ловило слабый сигнал и подавало его — без вывода. «Что-то не так». Не «вот враг», не «вот вина». Просто: обрати внимание, тут заскребло. Сигнал, не приговор.

Резкость — второе. Оно называло запрет, узко, по месту. «Сюда нельзя», «вот эту черту не переступай». Коротко, ясно, локально. Не «ты плохой» — «вот здесь стоп».

Обвинение — третье. И тут Асса остановилась.

— Здесь осторожно, — сказала она. — Обвинение должно брать действие. Конкретное. «Ты сдвинул тягу», «ты закрыл выход». Действие, с датой, с местом. — Она повысила голос, будто читая правило Дома: — Назовите действие, не человека. Не «ты враг». Не «ты такой». А что именно сделал. Обвинишь человека вместо действия — и уже не разожмёшь.

Вызов — четвёртое. Оно звало к ответу — но точный адрес. Того мастера, что сдвинул. Не весь квартал, не всю службу, не «вы все». Одного, назвав. Вызов по адресу, не по площади.

Отпор — пятое. Вот это Иллар знал телом. Отпор — это его Арка: остановить движущееся, физически, здесь и сейчас. Завершённый ответ. Сделал — и всё.

Возмездие — шестое, последнее. И оно, по правилу Дома, получало слово только после того, как всё уже прекращено. Не во время. После. «Что теперь, какая мера» — но лишь когда угроза кончилась. Возмездие, спрошенное вовремя, —

законно. Спрошенное во время отпора — превращает защиту в расправу.

И Иллар шёл через эти шесть — и заметил странное. Публичная Галерея, где славили ответы — «остановил», «отразил», «дал отпор», — была полна. Пластины, имена, благодарности, гул. А Комната прекращения — та, где записывают, когда ответ закончился, где помечают конец, — стояла почти пустая. Прохладная, тёмные следы старых пластин, шаги без эха. Туда почти не ходили.

— Погодите, — сказал Иллар, остановившись у пустой комнаты. — Вот Галерея — полная. Тут записано каждое «дал отпор». А кто записывает, что Отпор уже закончился? Где помета, что хватит, что кончилось, что дальше нельзя? Начало ответа — вон, во всю стену. А конец? Конец кто ведёт?

— Хороший вопрос, — сказал Гнев, оказавшийся рядом. Но ответил не про пустую комнату — про другое, про своё. — Порядок-то у нас правильный: сигнал, запрет, обвинение, вызов, отпор, мера. Всё по чину. — Он помолчал. — Только правильный порядок бесполезен, если первый шаг сделан после вреда. Вот моя забота. Мы красиво идём по ступеням — а начинаем поздно, когда уже придавило. Порядок хорош. Начало запаздывает.

И Иллар не заметил, что они говорят о разном. Он спросил про конец — кто следит, чтоб ответ вовремя кончился. А Гнев ответил про начало — что отвечать надо раньше. Оба

про время. Но с разных концов. Иллар тревожился, что не помечают конец. Гнев тревожился, что поздно начинают. И пустая Комната прекращения осталась за спиной — незамеченной тем, кто был должен бы думать о ней больше всех.

— Пойдём, — сказал Гнев. — Проверим твоё прекращение по записи Арки. Раз уж ты про конец.

В Комнате Прекращённого Действия Солма разложила три независимые записи Арки: телесную — от Лосты, механизма — от узла, наблюдения — от Мейры и Ассы. Три источника, не сговаривавшихся.

Иллар воспроизвёл телесно — миг, когда исчезло направление. «Вот тут. Тяга перестала звать. Обратное сопротивление. Разжал».

Мейра назвала внешнее: в этот самый миг у него изменилась стойка — плечо ушло, вес переменялся. Видно со стороны, без всякого дара.

Асса показала отметку: выход в этот же миг остался открыт, люди шли. Третий, независимый след.

И время совпало. Во всех трёх — телесном, механическом, наблюдаемом — один и тот же миг. Не подгоняли: сошлось само. Ответ кончился тогда-то, и это подтвердили три

разные вещи, не спрашивая друг друга.

— Хорошо, — сказала Солма. Сухо, по делу. — Теперь скажи: а был ли человек — тот, у тяги — после этого безопасен вообще? Совсем? Мне нужна одна формула. Одна. Чтоб записать в Свод и переносить на другие случаи. «Иллар подтверждает: безопасно». Дай мне её.

И Иллар хотел было сказать «да, безопасно» — так просили, так было бы удобно, одна чистая формула. Но осёкся. Мера такого не говорила.

— Я знаю только, когда движение перестало требовать ответа, — сказал он. — Вот это Мера сообщает: тяга встала, ответ кончился. А «безопасен ли он вообще», «не сделает ли снова», «можно ли доверять» — этого Мера не знает. Я не могу дать одну формулу «безопасно». Могу дать только «движение прекратилось». Это разное, и второго у меня нет.

— Он прав, — сказал Гнев. — Мера узкая. Она про движение, не про человека. — И, помолчав: — Но для первого шага этого может быть достаточно. Городу не нужно, чтоб Иллар решал, безопасен ли человек навек. Городу нужно, чтоб кто-то точно сказал: вот сейчас движется, вот сейчас встало. Для первого ответа — хватит. Остальное — другим, после.

И подпись Иллара получила в Своде отдельный статус — «точное время прекращения». Узкий, честный: только про то, когда ответ кончился. Не «виновен», не «безопасен». Только конец движения.

Но Иллар почувствовал, уходя, странную несоразмерность. Подпись была узкая — а вес ей дали большой. В Своде она встала весомо, официально, готовая к переносу. И где-то между «я знаю только про движение» и тем, как торжественно это записали, открылся зазор. Маленький. Люди уже смотрели на его подпись как на нечто большее, чем она есть. И он — чуть-чуть — начинал смотреть так же.

А Арвен уже созывал взрослый круг. Из узкой точной подписи рождалось что-то большее — новое право.

На боковой галерее Дома Ответа, с видом на Башню Первого Ответа, собрались взрослые. Ветер шёл из арок башни, дальний металлический гул. Арвен называл случаи — старые, где причина не поспела за угрозой.

— Мост Тихой Меры, — сказал он, и Иллар вздрогнул: это была та самая запись, отцовская, сложенная. — Тогда ждали причину — и опоздали. И ещё три случая. Везде одно: пока разбирались, что и почему, — вред уже случился. Причина медленнее угрозы. Вот беда.

— Значит, нужно право, — сказал Гнев. — Локальное. Останавливать движущееся до полного вывода. Не ждать, пока установят мотив, вину, всё. А остановить то, что едет

прямо сейчас, — и уже потом разбирать. Право Первого Ответа.

— Со взрослым сопровождением, — сказала Мейра твёрдо. — Иллар точен, но он не один решает. Рядом — мастер, наблюдение. Первый ответ — да. Но не в одиночку, не без пригляда. Это условие.

— И помните про Колокол, — сказал Кирен, что ведал Башней. — Колокол Первого Ответа — большой, городской — звонит только на три независимых подтверждения. Три разных источника, не сговорившихся. Не на одного человека, каким бы точным он ни был. — Он посмотрел на Иллара, не враждебно, честно. — Один точный человек не равен трём независимым звукам. Что бы вы тут ни решили про малое право — Колокол это правило не отдаст. Три звука. Не одна подпись.

А Орен — Иллар не ждал его тут — сказал тихо, в сторону:

— Твоя мать, Иллар. Сайна. То, что с ней было. Если б тогда кто-то имел право остановить сразу, не дожидаясь... — Он не договорил. Не надо было. Иллар знал сокращённую версию той истории, отцовскую половину, — и она вдруг стала горячей, личной. Вот оно, ради чего. Чтоб с другими не было, как с матерью.

— Стойте, — сказал Иллар. — Одно спрошу. Моя подпись — она будет называть виновного? Определять, кто враг, кто виноват?

— Нет, — сказал Арвен. — Только временную безопасность. «Сейчас это движется, остановлено». И всё. Виновно-го устанавливают отдельно, после, другие, полным разбором. Твоя подпись — про движение, не про вину. Как ты сам и говорил.

— Город должен уметь отвечать до того, как вред станет доказательством, — сказал Гнев. — Вот суть. Сейчас как? Ждём, пока навредят, пока будет что предъявить, — и только тогда имеем право. А надо раньше. — И, глядя на Иллара, тяжело и спокойно: — Не жди травмы, чтобы получить право остановить. Не жди, пока ударят, чтоб заслонить. Это и есть Право Первого Ответа.

И Иллар почувствовал горячую ясность — ту, что даёт признание, нужность, личная боль, сошедшиеся вместе. Он хотел этого. Но удержал свою границу — пока ещё удержал:

— Я согласен, — сказал он. — Но с одним. Я отвечаю только за то, что движется. Не за вину, не за то, кто человек, не за «опасен ли он вообще». Только за движущееся, здесь и сейчас. Двинулось — останавлию. Встало — отпущу. Дальше — не моё. На этом — да.

На это согласились. Временное участие, узкое право, взрослое сопровождение, правило трёх звуков у Колокола. Всё оговорено, все пределы названы вслух, при всех. Никто ничего не навязывал — Иллар выбрал сам, с горячей ясностью в груди и тяжестью Сайниного зажима в кармане.

Только одного не было в этой галерее. Теи. Той, что нахо-

дит причину, что слушает послезвон, что говорит «пока не трогай». Право Первого Ответа — про то, чтоб действовать раньше причины. А ту, чьё дело — причина, к решению не позвали. Никто этого не заметил. И Иллар не заметил. Ветер шёл из арок башни, гудел металл, и всё казалось верным.

На завтра назначили проектировать процедуру. Союз Ил-лара и Гнева стал официальным.

Глава 4. Первый ответ

В Зале Раздельных Причин Арвен открыл три старых дела — с подтверждённой ценой промедления. Не выдуманных. Настоящих, где ждали слишком долго и вышла беда.

Нарен разложил их по-своему.

— Смотрите, тут разное, — сказал он. — В одном деле не хватило причины: не знали, что происходит, потому и ждали. А в двух других причину-то видели — не хватило полномочия. Знали, что надо остановить, — а права не было, ждали подпись. Это две разные беды, не путайте. — И, жёстко: — И вот что помните: срочность не заполняет пустое поле мотива. Оттого что горит, причина сама не появляется. Спешка — не знание. Быстро — не значит понял.

— А вот тут, — Мейра ткнула во второе дело, — человек видел объект. Ясно видел: едет, сейчас придавит. И ждал подпись. Пока подписывали — придавило. — Она посмотрела на Нарена. — Ты прав: срочность не даёт мотива. Но она может открыть путь к заслону. Одно дело — знать, кто виноват и зачем. Другое — иметь право остановить то, что едет. Второе можно дать раньше первого. Заслон — раньше приговора.

— Тогда у каждого доступа — свой срок, — потребовал Хейр. — Заранее. Не «право вообще», а «право на столько-то». Открыли — и часы пошли. Иначе временное станет вечным.

— Первый ответ не может ждать завершённого мотива, — настаивал Гнев. — В этом вся суть. Пока домотаешь «зачем» — уже поздно. Право остановить движущееся — до вывода, не после.

— Согласен, — сказал Иллар. — Но с границей. Право — только пока действие продолжается. Едет — останавливаю. Встало — право кончилось, тут же. Не «до полного разбора», а «до остановки движения». Пока движется — да. Перестало — всё, отпустил, и права больше нет. Только пока действие продолжается.

И Солма стала строить форму. Отдельные поля: поле объекта — что движется. Поле права — на каком основании тронул. Поле прекращения — когда кончилось. Поле последующей проверки — кто потом разберёт причину и вину. Раз-

дельно, чтоб не смешать движение с виной, ответ с приговором.

И вот на чём сошлись все, даже спорщики: локальное первое действие — нужно. А продолжение после остановки — нет. Остановить — да. Держать дальше — отдельный вопрос, и на него согласия не было. Пока.

Иллар чувствовал себя услышанным. Взрослые не отмахнулись — приняли его границу, вписали «только пока движется». Это льстило, и льстило верно: его слушали как равного. И оттого он всё крепче связывал себя с Гневом — с тем, кто дал ему это место. Он не заметил, как «меня услышали» понемногу становилось «я нужен», а «я нужен» — «без меня нельзя».

Солме поручили собрать рабочий шаблон. А следующий вопрос был — кто будет рядом. Кто запишет конец.

В Зале Прав Хейр развернул карту маршрутов — медные метки, щелчки закрываемых доступов.

— Вот эти, — сказал он, — ученику постоянно открыть нельзя. Не потому что не доверяю тебе, Иллар. А потому что доступ не равен доверию. Открыть путь — это не «я тебе верю». Это «этот путь теперь открыт», и им может пройти

кто угодно, не только ты. Доверие — к человеку. Доступ — к дороге. Не смешивай.

— Я буду телесным наблюдателем, — сказала Мейра. — Смотреть, как он стоит, когда отпускает. Со стороны.

— А причину кто? — сказал Нарен. — Нужен слушатель причины. Рядом. Тот, кто, пока Иллар держит движение, слушает — а точно ли это объект, а не наведённый звон. Без слушателя причины останется один дар как предел. А дар узкий.

И Сайна спросила — не против сына, за точность:

— Кто запишет, что он уже отпустил? Вот он остановил, вот отпустил — кто это зафиксирует, независимо? Если рядом никого — останется только его слово. «Я отпустил вовремя». А кто подтвердит? Мера говорит ему — а Своду кто скажет? Кто запишет конец?

— Разделим, — сказал Арвен. — Ясная авария — это одно. Едет, придавливает, всё очевидно — тут ждать полный состав нельзя, люди гибнут. И спорный сигнал — другое. Звенит, а непонятно что — тут можно и нужно ждать слушателя причины. Разные случаи — разный порядок.

— Вот именно, — подхватил Иллар, может, слишком горячо. — При ясной аварии нельзя ждать. Если объект движется — второй человек не должен становиться условием первого шага. Пока соберём слушателя, наблюдателя, подпись — придавит. При движущемся — я останавливаю, а состав догоняет. Иначе всё право пустое.

И утвердили так. Взрослый ответственный — обязателен. Второй наблюдатель — по возможности. А для ясной аварии — сокращённое сопровождение: можно начать одному, но с обязательной последующей проверкой. Остановил при аварии без полного состава — но потом, сразу, независимо проверят: точно ли, вовремя ли отпустил.

И тут, в этой разумной уступке скорости, легло семечко. «Сокращённое сопровождение при ясной аварии» значило: бывает случай, когда Иллар отвечает — а рядом нет независимого свидетеля прекращения. Никого, кто прямо в тот миг запишет «отпустил вовремя». Только он — и последующая проверка потом. А «потом» — это уже по следам, по памяти, по записи механизма. Не вживую. Сайна это чувствовала — оттого и спрашивала «кто запишет конец». Но при движущемся механизме её вопрос звучал как помеха скорости.

И Иллар принял её осторожность за страх. За материнское «как бы чего». Она доверяла его Мере — но не системе вокруг неё, не «сокращённому сопровождению», не тому, что конец могут не записать. А ему слышалось: мать боится, мать не верит, что я справлюсь. Он не расслышал, что она боится не за него — за того, кого он однажды остановит без свидетеля.

Иллар получил условный локальный доступ. Оставалось проверить саму форму записи — тот шаблон, что собирала Солма.

В писцовой галерее Свода Меж Элиан смотрел, как писцы переносят поля со старых форм на новую — шаблон Права Первого Ответа. Царапали стилусами, пахло свежим покрытием пластин.

Поле мотива — «зачем» — можно было оставить пустым. Не заполнять. Форма это допускала: действуешь-то раньше причины, значит, мотива ещё нет. Логично. Пустая белая ячейка.

А поле стороны — «кто это, чья сторона» — предлагало готовые варианты. Не пустое. Из прежних форм перенеслись заготовки: выбери из списка. Удобно писцу — не выдумывать, а ткнуть в готовое.

Поле прекращения — «когда кончилось» — было. Но оно не блокировало дальнейший перенос. То есть запись можно было двигать дальше, передавать, использовать, даже если поле прекращения не заполнено. Оно как бы желательное, а не обязательное.

А поле нового объекта — «а появилось ли новое движение, новая причина» — стояло помеченным: необязательно. Можно пропустить.

Тильда, глянув, спросила одно:

— А если причина появится позже? Вот заполнили сто-

рону из готового, а потом выяснилось иначе — что тогда?

— Исправление можно добавить, — ответила Солма, не отрываясь. — Допишем поле, поправим. Форма гибкая.

— Пустое — это ещё не сторона, — сказала Тильда, глядя на белую ячейку мотива. — Оставь его пустым, честно. Раз не знаем — пусть пусто. Пустое не врёт.

— Но система не может оставлять действие без продолжения, — сказала Солма. Не зло — по делу, по-писцовому. — Действие записано — у него должно быть куда идти дальше. Поле, ячейка, следующий шаг. Нельзя, чтоб запись повисла в никуда. Вот я и даю ей продолжение — готовое, из прежних форм. Чтоб не застряла.

И Элиан смотрел на это — и думал своё, тихое. Вот поле мотива — пустое, честное, «не знаем». А вот поле стороны — уже с готовыми вариантами, уже приготовленное. Значит, когда дойдёт до дела, писцу будет легче ткнуть в готовую «сторону», чем оставить мотив пустым. Готовое имя в форме сильнее будущего пояснения. Пустую ячейку хочется заполнить — а рядом лежит готовый ответ, только выбери.

И вот что он понял, глядя на белые и заполненные ячейки: продолжение уже было приготовлено раньше вопроса. Ещё никто не спросил «кто это, чья сторона» — а ответы уже лежали в форме, ждали. Сначала приготовили ответ. Вопрос придёт потом. И когда придёт — ответ уже будет тут, раньше него. Как тогда, у межи: имя раньше причины. Только теперь — вписанное в саму форму, заранее, начисто.

Он не мог спорить — не его дело, не его полномочие, он просто прохожий у писцов. Но запомнил: форма, сделанная ради порядка, уже подсказывала ответ там, где знания не было. Тильда тоже запомнила — молча, всю конструкцию.

Черновой шаблон передали взрослому кругу — с необязательным полем нового объекта, с готовыми вариантами стороны, с прекращением, что не держит. На подпись.

В Центральном Своде Солма зачитала поля готовой формы: поле объекта — что движется; поле права — на каком основании; поле прекращения — когда кончилось. Холод центральной пластины, тяжесть стилуса.

Хейр установил локальные маршруты — какие открыты, какие нет — и срок: шесть дней.

— Временный порядок, — сказал он. — Шесть дней. Дальше — заново пересматривать. Не вечный. Записано: шесть.

Нарен потребовал срочный канал причины — чтоб слушатель причины подключался всегда, обязательно.

— Обязательным сделать не выйдет, — сказал Арвен. — При ясной аварии ждать нельзя, сами решили. Пусть будет рекомендательным: по возможности — да, всегда — нет.

И канал причины остался рекомендацией. Не блокировкой. Мягким «желательно».

— И жёстко, — сказал Кирен. — Одну подпись Иллара нельзя считать за три подтверждения Колокола. Колокол звонит на три независимых звука — и точка. Его подпись — один звук, как бы ни был точен. — И прибавил, глядя на поле стороны с готовыми вариантами: — И вот что. Колокол не знает стороны. Он слышит только: движется — не движется, три звука — не три. «Чья сторона», «кто враг» — Колокол этого не звонит, не его дело. Не грузите на него сторону. Он про звук, не про врага.

— Для повторяющихся механизмов — связанный статус, — предложил Гнев. — Если один и тот же узел звенит раз за разом — пусть его ответ переносится, чтоб каждый раз не собирать заново. Связать похожее.

— Осторожно с этим, — сказал Кирен. Но связанный статус для механизмов допустили — для вещей, не для людей.

— И запишите ясно, — сказал Иллар. — Моя подпись — не мотив. Я подтверждаю только действие: вот это движется, вот это остановлено. Не «кто виноват», не «чья сторона», не «зачем». Моя подпись — не мотив. Кто впишет под ней вину — впишет своё, не моё.

— Верно, — сказал Гнев. — Но первый ответ должен пережить отсутствие объяснения. Вот что важно. Ты остановишь движущееся — а мотива ещё нет, причины ещё нет, объяснение придёт потом. И ответ не должен рассыпаться

оттого, что «зачем» пока пусто. Он должен стоять и без объяснения. Иначе всякий раз будем ждать причину — и опаздывать.

И это звучало разумно — и было тем самым местом, где всё могло пойти не так. «Ответ должен пережить отсутствие объяснения» — да. Но между «ответ стоит, пока объяснения нет» и «ответ можно продолжать, потому что объяснения нет» пролегала тонкая, невидимая черта. Первое — про то, чтоб остановить вовремя, не дожидаясь «зачем». Второе — про то, чтоб держать без «зачем» сколько угодно. Их не различили вслух. Форма позволяла и то, и другое.

И подписали. Арвен — временный порядок, от имени взрослых. Мейра — сопровождение. Иллар и Гнев — свои подтверждения. Не один Иллар: подписей было много, риск был разделён — так, во всяком случае, казалось Иллари. Что если все подписали, то и отвечают все, и не он один.

А поле нового объекта — то, где отмечалось бы «появилось новое движение, новая причина», — осталось неблокирующим. Необязательным. Запись могла идти дальше и без него. Никто на этом не споткнулся: мелочь, техническая ячейка.

И нравственная уязвимость стала частью законной временной системы. Не злым умыслом — общим согласием разумных людей, каждый из которых берёт своё: скорость, порядок, причину, предел. Всё было названо вслух, все границы проговорены. И всё же форма вышла чуть-чуть накре-

нённой — в сторону готового ответа, неблокирующего конца, переносимой подписи. Иллар этого не видел. Он видел много подписей и думал: разделено, не на мне одном.

Назначили первую официальную смену. Процедура была готова — к первому испытанию.

Глава 5. Когда город благодарит

В полдень пришёл первый официальный сигнал — водный посыльный, запыхавшийся, с двумя пластинами.

— Водные Створы, — сказал он. — Два сигнала, почти в один. Оба звенят, близко.

— Свяжу их, — сказала Солма, уже беря форму. — Два близких — в единый статус. Так проще: один объект, один ответ. Связанный.

— Погоди, — сказал Иллар. — Не связывай пока. Скажи не «два сигнала» — где давление? Физически. Который из двух сейчас давит, реально? Не «чья сторона», не «кто виноват» — где идёт нагрузка.

— Правильно, — сказал Гнев. — Не хватай весь узел в один статус. Ищи объект. Где давление — туда и ответ. Локально.

Хейр открыл доступ — узкий, только к боковому створу. Не ко всему узлу. Один маршрут, на срок.

На месте попробовали снять малую нагрузку — отвести часть воды. И один из двух звуков пропал. Разом, чисто.

— Один звук ушёл вместе с нагрузкой, — сказал Иллар. — Вот этот. Убрали воду — он и смолк. Значит, он был не угроза — просто перегруз, наведённый. Как тележка на мосту. Ушёл с нагрузкой — не объект.

— Второй остаётся активным, — сказала Солма, глядя на пластину. — Этот не ушёл. Держится. И... растёт. Усиливается.

— Тогда отвечай второму, не всему узлу, — сказал Гнев. — Один смолк — его не трогай, его нет. Второй растёт — вот объект. Не связывай их в один, не закрывай весь узел. Один створ, где давит. Туда.

И Иллар впервые применил право официально — не на учебной раме, не в общей суматохе Арки, а по процедуре. На один боковой створ. Тот, что рос. Мера уже собиралась в предплечье — тяжёлой линией, ясной.

И всё сходилось красиво. Процедура сработала: из двух сигналов отсекли ложный — тот, что ушёл с нагрузкой, как безобидный повтор, — и сузили до одного настоящего. Иллар всё крепче верил: союз с Гневом и Сводом умеет соединить скорость и точность. Быстро — и не наугад. Он не думал сейчас про Тею, про послезвон, про то, что «один звук ушёл с нагрузкой» — это ведь она когда-то научила слышать.

Он думал: работает.

И где-то в стороне, непрошено, всплыл на миг другой звук — тот, что Тея так и не дослушала. Короткий, с длинным обратным хвостом, уходящим внутрь. Низкое Ребро. Но это было не здесь, не сейчас, и Иллар про него не знал.

Локальный маршрут открыт. Боковой створ входил в опасное движение. Первая настоящая авария по новому праву.

У Водных Створов стоял холодный водяной туман. Водный мастер показал реальный угол смещения — боковой створ пошёл, направляющая тяга поехала.

— Вот сюда клонит, — сказал он. — Ещё немного — сорвёт. Пойдёт в нижний канал.

— Не закрывай выход, — сказала Мейра. — Путь сброса, главный канал, держи открытым. Соблазн будет закрыть широко, всё разом, чтоб наверняка. Не смей. Закроешь главный — вода ударит в нижний канал, там людей затопит. Только боковое. Выход не трогай.

Мера собралась — на боковом створе, узко. Не на всём узле, не на главном канале. На одной направляющей тяге, что двигалась. Ясная тяжёлая линия в предплечье: вот сюда,

ВОТ СТОЛЬКО.

— Только боковой створ, — сказал Иллар, ставя опору. И закрыл локальную тягу — ту, по Мере. Одну.

Поток ударил — в предплечье, в плечо. Холодный, тяжёлый, живой. Иллар принял его телом, удержал опору. Вода била, скользили подошвы, гудело в груди. Но он держал — узко, по одной тяге, не расширяя.

А главный канал остался открыт. Вода шла своим путём, в сброс, не в нижний. Он держал боковое — и не тронул выход. Ни на миг.

Давление стало спадать — створ выравнился, тяга замерла. И направление Меры исчезло. Обратное сопротивление поднялось под рукой: всё, кончилось, ты лишний. И Иллар освободил тягу — сразу, ровно, не додержав. Разжал по обратному сопротивлению, как учили, как всегда.

— Дальше это моя работа, — сказал водный мастер, подходя. — Ты остановил движение — спасибо. Теперь крепить, выравнивать, проверять — моё. Отойди, дай встать к тяге.

И Иллар отошёл. Отдал. Мера кончилась — и его дело кончилось.

Ховен, оказавшийся тут, побежал в Свод с кратким: успех, створ спасён, вода в сброс, никто не пострадал.

И право сработало — по-настоящему, быстрее старого порядка. При старом ждали бы подпись, согласование, а створ бы тем временем сорвало. А тут — сигнал, объект, ответ, остановка. Чисто. Городское доверие к Иллару росло — и

росло заслуженно, на деле, не на пустом. Он остановил движущееся, не тронул стоячее, отдал чужое. Всё точно.

Оставался только один незаданный вопрос, тихий, под водяной пылью: присвоит ли он однажды то, что за остановкой? Пока — отдал. Пока — «дальше твоя работа». Но благодарность уже липла к нему, тёплая, и отделять «я остановил» от «дальше не моё» становилось чуть труднее с каждым разом.

Физическая угроза прекращена. А рабочие уже смотрели не на мастера — на Иллара.

Рабочие ждали — но не мастера. Иллара. Стояли, смотрели на него, ждали, что он скажет, что делать дальше. Будто он теперь тут главный.

А Мера молчала. Иллар приложил внимание — пусто. Ни направления, ни объекта, ни линии в предплечье. Движение кончилось — значит, и Мера кончилась. Ему нечего было тут делать. Дар молчал.

— Пусти к тяге, — сказал водный мастер, чуть неловко: спрашивал разрешения там, где раньше не спросил бы. — Мне выравнивать. Можно?

И Иллар увидел странное: его присутствие мешало. Ма-

стер ждал его кивка, рабочие ждали его слова — а обычная работа стояла. Из-за него. Оттого что все смотрели на «того, кто спас», а не делали своё. Он занимал место, которое было не его.

— Дальше это не мой ответ, — сказал Иллар громко, чтоб все слышали. И отступил от тяги, освобождая место. — Я остановил движение. Оно встало. Всё, моё кончилось. Тяга, выравнивание, проверка — мастерово. Не ждите меня. Я тут больше не нужен.

— Записываю прекращение, — сказала Мейра. И отметила: время, когда Иллар отпустил и отошёл. Независимо, в запись. Конец зафиксирован. Есть свидетель.

— Передача не уменьшает первого действия, — сказал Гнев, не возражая. — Отдал дальнейшее мастеру — и правильно. Оттого что ты ушёл, твой первый ответ не стал меньше. Остановил — это твоё, навсегда. А чинить — не твоё, и хорошо, что не взял. Уйти вовремя — тоже точность.

И работа пошла — без него. Мастер встал к тяге, рабочие задвигались, застучали инструменты. Иллар отошёл, и за спиной у него закипело обычное дело, в котором он был уже не нужен. Влага стыла на рукаве, ладонь была пуста.

И это было правильно — и Иллар это знал. Он умел уходить. Умел не присваивать чужое, отдавать, отпускать. Вот прямо сейчас — сумел. И потому его будущая ошибка, если случится, будет не оттого, что он не умеет уйти. Он умеет. Значит, если однажды не уйдёт — это будет выбор, не неспо-

СООБНОСТЬ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.